

УДК 821.351.0

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ В РОМАНЕ П. ДИБИРОВОЙ «ОРНАМЕНТ НА МОЕЙ ЛАДОНИ»

З. К. Магомедова

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадаасы ДНЦ РАН

В статье затронуты вопросы новой для дагестанской литературы жанровой разновидности художественной литературы – психологического романа.

The article touches upon the questions of the new genre in Dagestan literature – the psychological novel.

Ключевые слова: эстетическое развитие; жанровое обогащение; психологическая проза; объект внимания; военнопленный; новые импульсы.

Keywords: aesthetic development; genre enrichment; psychological prose; the object of attention; prisoner of war; new impulses.

Оглядываясь на десятилетия назад, можно отметить, что в начале 90-х гг. минувшего века литература в ее традиционных формах сдавала позиции. Но уже к концу десятилетия ситуация стала меняться, заявили о себе молодые авторы, чьи эксперименты и идеи имеют достаточно важное значение для будущего как общероссийской, так и национальной литературы. Омоложение писательского контингента привнесло в дагестанскую литературу определенную долю обновленной эстетики. Новые имена связаны с новыми художественными идеями и тенденциями. Произведения, где нет фальши, сегодня – особая ценность, особый ресурс, поэтому можно говорить о новом этапе эстетического развития национальной художественной мысли.

Заметным событием в культурной жизни республики стала опубликованная в Москве в 2010 г. повесть Алисы Ганиевой «Салам тебе, Далгат!», удостоенная премии «Дебют». Алиса Ганиева – автор ряда литературоведческих статей, рассказов, публикуемых в центральной печати. В 2012 г. она опубликовала новую книгу «Праздничная гора», вызвавшую разноречивые отзывы.

Шихабудин Микаилов дебютировал в 2011 г. с романом-исповедью «Напишите про меня книгу», где впервые в дагестанской литературе отразил специфику формирования преступных группировок в 90-е гг. минувшего столетия.

Можно перечислить еще немало имен молодых прозаиков, многие из которых уже вписались в литературный ландшафт республики.

Первым крупным произведением Полины Дибировой был роман «Снотворное» (2010). Кроме того, в центральной и республиканской прессе были напечатаны ее рассказы. Отдельного внимания заслуживает роман «Орнамент на моей ладони», увидевший свет в 2012 г.

Можно с полным основанием говорить, что это произведение является новым словом в дагестанской литературе вообще и в русскоязычной в частности. Автору удалось сделать то, в чем нуждается любая литература: передать глубинные движения психики человека, проникнуть в тайники его сознания.

В романе явственно просматривается стремление к стилистическому и содержательному обновлению канонов литературы, заложенных в самой природе социалистического реализма, желание уйти от густой идеологической орнаментовки, которая в советские времена была доминирующей характеристикой любого художественного текста. Даже если смотреть на это произведение как на попытку первоначального эстетического накопления свежего, не освоенного еще психологического материала, то и в данном случае мы имеем дело с поступательными тенденциями развития национальной литературной мысли.

Структурно и стилистически роман Полины Дибировой «Орнамент на моей ладони» отличается от других произведений крупных жанров дагестанской прозы. Новое в форме заключено в наслаивающихся друг на друга элементах художественного повествования: ретроспекций, эстетических вкраплениях и текстах non-fiction. Дискретность композиции состоит из ряда мини-новелл и сюжетов историй, каждая из которых претендует на статус самостоятельного произведения и становится определенным витком судьбы главного героя.

Полина Дибирова рассказала историю жизни своего деда, известного в Дагестане художника-орнаменталиста, ученого и педагога Парука Муртузалиевича Дебирова.

Многое в структуре этого произведения определяется исходным жизненным материалом, опытом главного героя, тем, что он сам видел и почувствовал, а потом, спустя некоторое

время, рассказал своим детям и внукам. Сюжетно-фабульные ситуации романа возникали в ходе личных бесед, подсказаны воспоминаниями самого Парука, главного героя романа. Автор сумела найти форму, способную вместить принадлежащие военному и послевоенному времени реалии, человеческие типажи, события, трансформировать материал, показать, как глобальные события сходятся в фокусе жизни одного индивидуума, определяя его судьбу, круша и ломая душу и жизнь.

Когда роман вышел в свет, П. Дибировой было двадцать семь лет, а написала она историю жизни человека, прошедшего сквозь огонь войны, ужасы немецкого плена, концлагерей, познавшего участь изгоя, отверженного, подозреваемого в предательстве родины даже близкими, обвиненного в этом официально и вновь отсидевшего уже в сибирских лагерях. Испытывая на протяжении долгого времени поочередный крах надежд на спасение, герой Дибировой сохраняет в жизненных испытаниях нечто главное – сущность человека, способного выстоять и построить свою жизнь заново.

В центре художественного внимания оказывается попеременно то событийность, то проекция внутреннего мира героя, его детских впечатлений, юношеских лет, зрелости. Все эти состояния не только констатируются, но и передаются в различных нарративных дискурсах.

Множественность интерпретаций различных ситуаций предопределяет и множественность экспликаций автобиографического «я» в тексте. «Представление личности героя в различных ликах позволяет выразить полисемантическую содержательность воспоминаний и переживаемых эмоций», – отмечает Л.М. Ньюбина [1].

В первой главе романа перед нами совсем молодой, неопытный солдат, попавший в водоворот страшных событий: «Наш полк, точнее то, что от него осталось, после неполного года непрерывных боев засел в небольшой деревеньке в лесистой местности близ Сталинграда. Вот уже месяц мы пытались продвинуться дальше, на запад. Все было тщетно. Эти немцы, казалось, были повсюду» [2, с. 5].

Битва под Сталинградом – событие, описанное во множестве документальных и художественных произведений, рассказы об этом судьбоносном для сотен тысяч людей сражении стали уже хрестоматийными. Для Парука, как и для множества таких же молодых солдат, эти события стали роковыми. Кто-то стал героем, кто-то погиб, а кому-то досталась иная доля – плен.

В романе многократно появляется мотив преодоления смерти, существования человеческой души и тела на зыбкой границе между жизнью и смертью. Если в начале романа эмоции рассказчика ярки и выразительны, то потом, с обретением все большего негативного опыта тон его становится суше, сдержанней, выдавая готовность к любому повороту событий. П. Дибировой удается передать, что думал, что чувствовал человек в условиях невероятно сложных.

Дибирова показывает героя «изнутри», проникая в сознание, душу, непосредственно как бы фиксируя то, что происходит с ним в каждую минуту, размышления ее героя естественны, искренни, спонтанны. Как известно, мысли подчиняются внутренней логике персонажа, так же как и его реакции на окружающий мир, на экстремальные ситуации. Зачастую в произведении эти размышления героя выполняют функцию внутреннего монолога. Здесь же мы видим поток сознания, когда мысли и переживания хаотичны, неупорядочены, логическая связь отсутствует, уступая место связи ассоциативной.

«Поток сознания» – прием в литературе XX в. преимущественно модернистского направления. Дибировой удается разграничить ситуации, показать прямую зависимость потока сознания и внутреннего монолога героя от внешних факторов. При этом она никак не интерпретирует поведение и мысли своего героя, не дает ему оценку или комментарий.

«Поток сознания» был впервые использован в романах Дж. Джойса «Улисс», М. Пруста «В поисках утраченного времени», У. Фолкнера «Шум и ярость» и многих других. В произведениях, где одним из главных художественных приемов является «поток сознания», внимание автора до предела обострено к субъективному, потайному в психике человека. Как правило, нарушается последовательность повествовательной структуры, смещаются временные пласты. Все эти моменты характерны и для романа «Орнамент на моей ладони», в котором психологический анализ становится основной художественной доминантой.

Описания сцен ранения, пленения Парука, передача его мыслей беспощадно правдивы и образительно точны. Возникает полный эффект присутствия – герой романа Дибировой предельно вживается в окружающий его кошмар и любой ценой старается выкарабкаться из него живым.

Ряд ситуаций, когда размывается грань между добром и злом и человек ведет себя применительно к обстоятельствам, описаны в натуралистических деталях, порой с шокирующей до-

стоверностью: «Все, что только было в моей памяти, восстало из забвения и кричало, кричало мне о себе во всю силу. Все, что я ценил в жизни, любил или помнил, все мои мысли, образы, картины воспоминаний – ничто из этого не хотело умирать. Все вопило на разные голоса и цеплялось за меня, ухोдившего в пустоту. Они рвали меня на клочья... Каждый мой день тянул меня в свое время. Каждая минута напоминала о себе...» [2, с. 14].

Посредством тонкой психологической нюансировки П. Дибирова проникает в затаенные мысли своего персонажа, демонстрируя возможность безмерного углубления в мир отдельного человеческого существа, передает мысли человека, доведенного до отчаяния, пытающегося понять: выжить или уйти?

Интуитивно он понимает, что сила все-таки в том, чтобы выжить, оказаться упрямее смерти. В романе немало рассуждений о сущности жизни, о ее цене. Эти вкрапления философского характера, авторские отступления, которые выделяют глубинную суть творческого миропонимания П. Дибировой. Сквозь эту призму более значимым видится и все то, о чем рассказывает ее «я» персонаж. Этому способствует и выразительный в своей лаконичности, полный экспрессии стиль. П. Дибирова умеет в одном абзаце передать целую гамму чувств, движений души, выразить важные аспекты подсознания. «Я лежал и ощущал приближение смерти. Хотя неизвестно, кто к кому приближался: я к ней или она ко мне.

В эти минуты я уже не вспоминал ничего из своего прошлого. Ничего из того, что было со мной, ничего из пережитого, увиденного. Моя голова была как полный сачок невесомых летних бабочек. И каждая бабочка в нем была моей несбывшейся мечтой» [2, с. 16].

Стилистическими находками, подобными этим, пронизан весь текст П. Дибировой. Она использует незатертые сравнения, эпитеты, ее метафоры выразительны и точны, этому способствует грамотный, ясный литературный язык, точный и логичный. Повествование подчеркнуто натуралистично, здесь свои координаты, не схожие с привычными координатами послевоенной советской литературы. Другая динамика, иной род активности в подаче материала, метаморфозы тем, стилей, обнаженная реалистичность изображения – вот далеко не полный перечень новаций в прозе П. Дибировой.

При воссоздании картин из жизни военнопленных она рисует ужасающие в своей натуралистичности картины, исполненные высокого накала человеческой боли и страданий, эпизоды, затмевающие по своей жестокости все, что было написано ранее в дагестанской литературе: «Люди ели все подряд, часто совсем не годное в пищу, и многие гибли. Но чувство голода было сильнее инстинкта самосохранения, потому что голод – это то, что снаружи, на поверхности. Голод – это, что увидят, заметят твои глаза, что достанут, что поймут твои руки... Это ощущение непоколебимой силы, находящейся подле и направленной против тебя. Ничто другое не делает нас настолько зверями, как чувство страха. Никогда не выйдет на охоту тот, на кого однажды охотились» [2, с. 12].

В сложной системе художественно-выразительных средств, применяемых автором, особое значение приобретают тонкие приемы психологического анализа, среди которых важны непосредственно-прямая речь, внутренний монолог, «поток сознания». Вся образная система и словесная палитра произведения П. Дибировой свидетельствуют о том, что она воспринимает происходящее в фокусе собственного видения ее главного героя.

Центральное сюжетное событие романа «Орнамент на моей ладони» – жизненные коллизии героя-рассказчика, которые вызывают этическую оценку его поступков читателем и, в первую очередь, им самим. Если в первой части романа преобладает нарративный (повествовательный) тип изложения, то дальше все чаще встречается ментативный (рассуждающий) тип текста, когда повествовательная форма временами размывается в пользу эссеистического письма. Именно ментативность придает произведению оттенок философичности [3, с. 55].

У истоков этой тенденции стоял Лев Толстой, соединивший в «Войне и мире» сюжетную интригу и философию истории. Ярким примером ментативного письма можно назвать и произведение Б. Пастернака «Доктор Живаго», где сюжет перемежается обширными периодами философского текста. Следует отметить, что в литературе XXI в. тенденция построения текстов по эссеистическому типу становится доминирующей.

В романе П. Дибировой нарративность и ментативность существуют почти на равных, с небольшим перевесом в ту или иную сторону в зависимости от сюжетных особенностей глав.

П. Дибирова сумела органически синтезировать разноплановый материал – фактический, историко-познавательный, бытовой с художественным, включить в текст информационно-познавательные вкрапления, детали этнографического характера. Ю. Лотман отмечает:

«Композиция художественного текста строится как последовательность структурных доминант разных уровней» [4].

В романе сопрягаются детализированный рассказ о каком-либо событии, оснащенный всеми атрибутами действительности и отвлеченными размышлениями экзистенциального характера.

Эмоции и чувства героя Парука широко открыты во внешний мир и одновременно он отстранен от него каким-то невидимым барьером. Автор стремится представить нам сложный, наполненный противоречиями внутренний мир своего героя, обнаружить скрытые побуждения и душевные движения, исследуя этот мир в многообразии связей Парука с прошлым и настоящим.

Пройдя тернистый жизненный путь, герой романа, как и его реальный прототип Парук Муртузалиевич Дебиров, не сломался, выжил, выстоял и осуществил мечты, которыми спасался в тяжелейшие моменты жизни.

Полина Дибирова создала произведение крупной формы, которое, не порывая с общей реалистической основой, все же заметно тяготеет к импрессионизму. Этому способствует незаданная, свободная форма изложения, фрагментарность как принцип организации материала, непосредственная фиксация изменчивых ощущений, впечатлений и переживаний главного героя.

И тематическое и композиционное многообразие романа «Орнамент на моей ладони» свидетельствует об осмыслении писательницей сложного, многоликого и противоречивого времени, непростых судеб людей этого времени. В целом же П. Дибирова своим творчеством открывает новую страницу в национальной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нюбина Л.М.* Метафоры времени – метафоры судьбы // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2008. № 1. С. 43.
2. *Дибирова П.* Орнамент на моей ладони. Махачкала: Эпоха, 2012. 416 с.
3. *Кузнецов И.В., Максимова Н.В.* Текст в становлении: оппозиция нарратив / ментатив // Критика и семиотика. Вып. 1. Новосибирск, 2007. С. 55.
4. *Лотман Ю.* Структура художественного текста. М, 1971. С. 134.

*Поступила в редакцию 15.09.2014 г.
Принята к печати 28.09.2015 г.*